

Р. Крибу. Мне очень помогли сотрудники аборигенных организаций Виктории: Д. Вуд, К. Джексон, М. Мичингтон и многие другие. И я бесконечно обязана всем моим аурукунским братьям и сестрам, особенно же: Максвеллу Вик-Мунеа, Сесилу Валмбенгу, Дон Кундубин, Бьюле, Гарриет, Дороти, Кэролайн, Мэйвис, Ните, Патрику, Соне и Этель Путчмонка, Филис Янкопорта и тем двум покинувшим этот мир моим братьям, чьи имена мне нельзя написать.

П.Л. Белков

ЕЩЕ РАЗ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ДОКУМЕНТОВ ПРИ РЕКОНСТРУКЦИИ СТАРИННЫХ МУЗЕЙНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ (НАВРОСКИ МЕТОДА)

Проблема идентификации безымянных этнографических поступлений носит универсальный характер. В западных музеях эта проблема связана в основном с куковскими коллекциями. Фактически единственный метод ее решения — метод подбора, т.е. прямое сопоставление реальных музейных экспонатов с предметами, указанными в старинных каталогах, конечно, при том обязательном условии, что их удастся найти.

Как правило, авторы работ исходят из тезиса, что находка подобного документа сама по себе является решением проблемы. Между тем по той же причине при исчерпывании информации, лежащей на «поверхности» документа, прекращаются всякие попытки дальнейшего анализа. С этого момента исследователи переходят к поиску связей между вещами во внешнем по отношению к документу пространстве — прижизненных связей потенциальных дарителей коллекций в сфере их семейных, профессиональных или каких-либо других контактов, в сочетании с изучением их географии: маршрутов путешествий, частных вояжей и пр. Однако нельзя забывать, что подобный метод выявления источников неидентифицированных поступлений не является панацеей, ибо обладает сугубо негативным свойством. С помощью этого метода можно установить, какие предметы *не* могли входить в ту или иную коллекцию, а не наоборот. Например, из посещения экспедицией того или иного района мира нельзя делать непосредственный вывод о том, что безымянные вещи, обнаруженные среди коллекций музея, относятся к сборам именно этой экспедиции.

Итак, метод подстановки («предмет — список») имеет существенные ограничения, обусловленные природой старинных каталогов или реестров. Посредством использования таких документов возможно лишь частичное воссоздание ранних коллекций.

Основную трудность представляет краткость описаний предметов. Указанное обстоятельство часто усложняется неясной или неадекватной терминологией в плане определения функций предметов. Последнее объясняется еще и тем, что, например, традиционная материальная культура Океании крайне слабо поддается европейской классификации, а названия в каталогах (особенно если речь идет о куковских коллекциях или равных им по историческому значению), несомненно, диктовались собственными, «европейскими» аллюзиями собирателей или переписчиков (переводчиков) каталогов. Вместе с тем это, пожалуй, самая увлекательная часть проблемы: необходимость представить себе (мысленно «нарисовать», «увидеть») посредством *чтения*, какие предметы стоят за теми или иными названиями в каталогах, когда сами названия, подчас устаревшие, не соответствуют реальной функции вещей.

На практике сказанное означает только одно. Любое исследование по реконструкции старинных поступлений в конечном счете сводится к очень сложному процессу «дешифровки» текстов используемых документов, каталогов или инвентарей. В свою очередь, последнее подразумевает необходимость выявления целого ряда или разветвленной сети взаимосвязанных документов. Здесь каждый отдельный найденный документ служит лишь ключом к следующему документу. Это должно продолжаться до тех пор, пока в некотором пределе круг не замкнется, т.е. пока не будет воссоздана целостная картина событий, отраженных содержанием всего комплекса документов.

Общераспространенный характер такого фактора, как неточность в указании географической принадлежности вещей, практически исключает и этот важный признак при идентификации предметов. Данные о географическом происхождении вещей можно использовать только апостериори, в качестве косвенных подтверждающих результатов, полученных другими путями, на основе анализа других признаков. К этому надо также добавить, что в списках присутствуют серии предметов одного класса, по большей части упоминаемых совокупно и под общим наименованием. Наконец, если музей является обладателем нескольких коллекций, сбор которых происходил в одних и тех же регионах в рамках близких по времени посещений, идентификацию отдельных вещей существенно затрудняет однородность состава различных поступлений в целом.

Исследуя опыт реконструкций последних десятилетий, нельзя не вспомнить о находке такого документа, как «Catalogue of Curiosities sent to Oxford», который был случайно обнаружен в 1969 г. в заднем кармане книги поступлений в Музее Питта Риверса. Содержание этого каталога позволило идентифицировать часть (sic!) коллекции Иоганна Рейнгольда Форстера из второго путеше-

ствия Кука¹. Собственно говоря, с этого начинается эпоха открытий или возвращения старинных куковских поступлений в музеях мира.

Безусловно, исключительная заслуга в этом принадлежит известной американской исследовательнице Адриенн Л. Кепплер. Ее статья, где помимо упомянутого каталога рассматриваются несколько других источников такого рода, названа достаточно красноречиво в контексте интересующей нас проблемы: «Использование документов при идентификации этнографических предметов из путешествий капитана Кука². О ее методе можно судить по следующему отрывку: «В 1969 г. документ, состоящий из 11 рукописных страниц формата фулсзеп [17 × 13 дюймов. — П.Б.], озаглавленный как “Каталог Редкостей, посланных в Оксфорд”, был найден в заднем кармане книги поступлений Музея Питта Риверса. Этим документом оказался список коллекции Форстера, сделанный в то время, когда он был послан в Оксфорд, или немного позже (и, вероятно, был составлен сыном Иоганна Форстера, Джорджем, который путешествовал вместе с отцом). Этот список был пронумерован и соответствовал номерам, наклеенным на некоторые предметы в музейных коллекциях, которые до этого времени были бессмысленными, ибо не подходили ни к одному из известных каталогов или инвентарных описей. Кроме того, артефакты сопровождалась указаниями на принадлежность к островным группам»³.

Однако по соображениям методического характера более подробно хотелось бы остановиться на истории открытия другого памятника куковской эпохи. Речь идет о «Catalogus der Kunstsachen 1775», который в настоящее время хранится в архиве Евангелического братства в Херрnhуте (Германия) и представляет собой описание коллекций Кабинета естественных вещей (Naturalienkabinett) при Теологическом семинаре братства в замке Барби, в одном из залов которого эти вещи и были выставлены в конце XVIII в.

Изучение всего комплекса архивных материалов того периода, к которому относится появление «Catalogus der Kunstsachen 1775», снимает далеко не праздный вопрос о подлинности самого документа. В данном аспекте история обнаружения этого списка выгодно отличается от обстоятельств находки «Catalogue of Curiosities» в Оксфорде. Каталог Кабинета естественных вещей в Барби находился *в архиве, среди других документов*, подтверждающих его существование как источника. Кроме того, подлинность этого каталога проверяется перекрестным образом, биографическими данными составителя каталога и предполагаемого дарителя самой коллекции. Напротив, если судить по публикациям А.Л. Кепплер, существование каталога из Оксфорда в куковские времена пока ничем не подкреплено, за исключением совпадений между номерами этикеток на предметах и номерами соответствующих

наименований в каталоге. Во избежание недоразумений подчеркнем, что данное замечание не означает, что мы преследуем прямую цель подвергнуть сомнению подлинность рассматриваемого документа. Для нас анализ подлинности выступает как часть рутинной процедуры, которую можно использовать в качестве метода извлечения дополнительной информации.

Книгу Штефана Августина «Искусственные вещи» из путешествий Кука. Собрание Этнографического музея в Херрnhуте и его история» в отношении использования архивных документов при атрибуции безымянных этнографических коллекций можно считать образцовым исследованием такого рода. Автор не ограничился простым сопоставлением отдельных пунктов в найденном им Каталоге с имеющимися налицо предметами, не рассматривая изучение самого документа как нечто второстепенное или как некую данность, не требующую обсуждения в рамках этнографического исследования. В книге просматривается совершенно иная тенденция, предполагающая основное внимание на архивных документах в очень широком временном диапазоне, со времени создания Каталога до середины XX в., т.е. до того момента, когда знания о Кабинете естественных вещей в Барби, как и обо всем, что с ним связано, были полностью утрачены. «Каталог, который можно рассматривать как основополагающий для данного собрания вещей документ, — пишет Августин, — не содержит никаких данных о времени поступления и личности собирателя. Указания на области, которые “посетил Капитан Кук” или, соответственно, где “нашел свою гибель Капитан Кук”, сами по себе не могут играть роль доказательства того, что эти вещи были собраны в данное время и именно в рамках путешествий Кука. Поэтому необходимо проанализировать более широкий круг документов и источников с целью поиска фактов, синтез которых даст возможность подойти к названной проблеме ближе. При этом исследование должно концентрироваться прежде всего на времени появления коллекции в Барби, чтобы по возможности исключить поступления, относящиеся к сборам из других путешествий того времени»⁴.

Таким образом, книга Штефана Августина по своей форме является скорее исследованием «Каталога искусственных вещей», чем куковских коллекций в Херрnhуте. Именно благодаря такому подходу реконструкция этих коллекций действительно приобретает весомость строго научного обоснования. Это достаточно долгая и сложная процедура, во многих частях, казалось бы, скучная и даже излишняя, с точки зрения чисто этнографической атрибуции вещей, но без выполнения такой работы отделить факты от домыслов было бы просто невозможно.

В этой связи приходится указать на явно неверную интерпретацию исследования, проведенного Ш. Августином, в книге Л.А. Ивановой «Куковские коллекции в Санкт-Петербургской Кунсткамере». Результаты этого исследования она называет «ревизией»⁵. «Изучение старинных каталогов, этикеток, самих экспонатов и существующей по теме литературы, — пишет Л.А. Иванова, — позволило Ш. Августину установить принадлежность 38 предметов этого Музея к Куковской коллекции, насчитывавшей первоначально 106 единиц»⁶. Читая эти строки, можно подумать, что до момента выхода в свет книги Ш. Августина в Музее народоведения Херрnhута «Куковская коллекция» существовала как самостоятельная единица хранения (наподобие 505-й «куковской коллекции» в МАЭ), из которой Ш. Августин исключил 68 предметов, тем самым опровергнув не очень компетентных предшественников. В действительности все было иначе. Ранее никто и никогда не утверждал категорически о наличии в Херрnhуте куковских вещей. Как пишет сам Августин, были лишь предположения о том, что в собрании этого музея среди объектов из Полинезии и с северо-западного побережья Северной Америки имеются вещи, относящиеся ко второй половине XVIII в. и, возможно, к путешествиям капитана Джеймса Кука⁷. Следовательно, его книга основана вовсе не на критике предшественников, это настоящее научное открытие, подтвердившее некоторые догадки.

Создается впечатление, что Л.А. Иванова не имела возможности ознакомиться с содержанием самой книги, ограничившись краткой аннотацией, помещенной на обложке в конце книги: «Von der ursprünglich eingegangen 106 Objecten konnten 38 Stücke nun erneut nachgewiesen und ausführlich beschrieben werden. Der Kustos des Museums, Stephan Augustin, stellt hier die gesamte Herrnhuter Cook-Sammlung nach intensiven Recherchen erstmals vor». О том, что первоначальное поступление составляло 106 объектов, стало известно только после обнаружения упомянутого выше Каталога, в котором эти вещи значатся под № 167–269 как поступившие от некоего «Ла Тробе». Перед Августином встала двоякая задача. Во-первых, доказать, что предметы, помеченные в Каталоге этим именем, происходят из путешествий капитана Кука, а во-вторых, установить, какие именно из предметов Музея в Херрnhуте соответствуют номерам данной части Каталога. В результате удалось выявить только 38 предметов, остальные к моменту исследования попросту не были найдены («Vermisste Objecte»)⁸.

Судьба куковской коллекции в Херрnhуте четко прослеживается по документам, связанным с перемещениями экспонатов. В 1809 г. Кабинет естественных вещей был переведен из Барби в Ниски (Оберлаузиц), а в марте 1878 г. около 80 предметов, включая этнографи-

ческие экспонаты из числа куковских, были переданы в только что основанный в Херрnhуте «исторический, этнографический и естественно-исторический Музеум»⁹. Таким образом, коллекции разделились на две части, но после Второй мировой войны этнографические вещи из музея в Ниски, за исключением утраченных в ходе эвакуации, были вновь воссоединены в собраниях этнографического музея в Херрnhуте¹⁰. Все указанные перемещения Августин, скрупулезно прослеживает по актам передачи и регистрационным спискам, поэтому не может быть никаких сомнений в том, что мы имеем дело с коллекциями конца XVIII в., некогда принадлежавшими Кабинету в замке Барби.

О существовании Каталога, а также о связи некоторых вещей с путешествиями Кука было довольно хорошо известно и раньше, если судить, например, по упоминаниям, относящимся к 1880-м и 1920-м годам¹¹. Уже тогда бытовало мнение, что вещи океанийского и американского происхождения связаны своим происхождением именно с путешествиями капитана Кука. Впоследствии этот документ, как и имя Кука, был забыт и, в сущности, заново открыт только в 1986 г.¹² Современный анализ Каталога подтвердил куковское происхождение нескольких десятков артефактов из современного собрания музея в Херрnhуте (Германия)¹³.

Время создания Каталога, если судить по заглавию, — 1775 г. Сравнительное изучение почерков документа показало, что до 283 номера все записи в Каталоге велись «Смотрителем натуральных собраний Семинара» И.Я. Боссартом (дата смерти — 1789 г.)¹⁴. Собственно куковские вещи значатся под номерами с 167 по 269 с указаниями имени дарителя: «La Tr.», «La Trobe», «Br. La Trobe». Кроме того, в Каталоге между номерами 267 и 268 есть вставка, поясняющая, что эти вещи были получены «благодаря любезности брата Ла Тробе»¹⁵. Августин приводит и другое свидетельство (датируемое 1789 г.), согласно которому вещи были приобретены «durch die Vermittlung des selg. Br. La Trobe»¹⁶. Речь идет о Бенджамине Ла Тробе, в разные годы посещавшем Барби и подолгу жившем в Лондоне, где он был хорошо знаком с семьей Чарльза Берни, сын которого, Джеймс Берни, был лейтенантом во втором и третьем путешествии Кука¹⁷. Таковы истоки версии, по которой первым владельцем коллекции был Джеймс Берни, подаривший ее Бенджамину Ла Тробе.

Время поступления коллекции Ла Тробе в Барби по документам устанавливается достаточно точно: между октябрём 1780 г. и началом февраля 1782 г.¹⁸ Однако, как отмечает Августин, пока не удалось обнаружить документы, связанные с перевозкой или передачей вещей в Барби¹⁹. При этом он сам отвергает возможность связать появления этих вещей с тремя визитами Ла Тробе в Барби в

июне-октябре 1775 г., в июле и октябре 1782 г. В первом случае этому противоречит состав коллекции, включающей вещи, которые могут иметь отношение только к третьему путешествию Кука (1778–1780), во втором — то, что вещи уже с февраля 1782 г. находились в Барби²⁰. В связи с этим Августин ставит под сомнение сам факт личной передачи вещей кем-либо из членов Братства, выдвинув предположение о посылке вещей в качестве груза на одном из кораблей, курсирующих между Англией и континентом²¹.

Но в таком случае можно пойти еще дальше, не замыкаясь на версии, согласно которой куковская коллекция в Барби *могла быть* личным подарком Бенджамину Ла Тробе от Джеймса Берни. Например, хотелось бы обратить внимание на то, что коллекция из 106 куковских предметов даже по тем временам являлась слишком крупным и ценным собранием, чтобы выступать в роли подарка частному лицу. Вспомним, как формулировалось современниками участие Ла Тробе в приобретении этих вещей: «благодаря любезности» или «при посредничестве» брата Ла Тробе (см. выше). Все это наводит на мысль, что способом приобретения херрнхутовской коллекции могла быть покупка у одного из лондонских дилеров. В те времена в этой сфере наиболее известным было имя Джорджа Хампфри. В связи с этим примечательно следующее: именно в 1782 г. Академический музей в Гёттингене приобрел у него крупную коллекцию куковских вещей²². Так что, возможно, разгадка происхождения херрнхутовской коллекции лежит в документах, относящихся к деятельности Д. Хампфри.

В заключение несколько замечаний, непосредственно относящихся к проблеме реконструкции ранних поступлений МАЭ. Как должно следовать из опыта зарубежных исследователей, инструментом воссоздания старых поступлений являются не отдельные документы, а процесс их изучения. Чаще всего мы имеем дело с ситуациями, когда старинные музейные каталоги хорошо известны, но, несмотря на это коллекции, вроде бы долженствующие им соответствовать, по-прежнему остаются неизвестными, затерявшись в массе других поступлений. При исследовании ранних коллекций МАЭ мы сталкиваемся именно с таким случаем.

Несколько облегчает задачу присутствие на предметах номерных или текстовых этикеток, корреспондирующих с определенными пунктами в старинных каталогах. Этот метод был применен (нельзя сказать, что впервые в истории подобных исследований) А.Л. Кепплер при идентификации вещей в «Каталоге редкостей, посланных в Оксфорд». Как она отмечает, нумерация этого списка соответствует номерам этикеток, сохранившимся на некоторых предметах из музея Питта Риверса²³. Таковую же роль сыграли номера, написанные тушью на предметах или этикетках предметов из херрнхутовской

коллекции²⁴. Позднее этот метод применила Л.А. Иванова, сопоставив «Опись Бема» с номерными этикетками на вещах в МАЭ²⁵. В результате были выявлены два предмета куковского происхождения, две тонганских палицы, зарегистрированные под номерами 253 и 256 в 736-й коллекции, относящейся, как принято считать, к сборам русских кругосветных плаваний первой четверти XIX в. Всего в МАЭ на океанийских предметах из бемовского списка было найдено 7 номерных этикеток XVIII в. Однако точно такие же этикетки были и на предметах из некоторых других поступлений той эпохи. До нашего времени, как правило, доходит очень небольшое число этикеток, причем одинаковые этикетки с одинаковыми номерами или текстами подчас находятся на предметах из разных поступлений. Таким образом, использование каталогов и этикеток, номерных или текстовых, если каждая коллекция рассматривается отдельно от других, позволяет точно документировать происхождение лишь сравнительно небольшого числа предметов.

В сущности, работу со старинными каталогами можно свести к нескольким очень простым правилам. 1. Если прямые характеристики оказываются слишком общими, внешний вид того или иного предмета, о котором идет речь в старинных реестрах и каталогах, можно вычислить по совокупности признаков различия нескольких предметов, ибо такие списки часто являются не просто перечислением, но простейшей классификацией вещей, основанной на признаках функции, формы, материала и относительного размера. 2. Часто наименования нескольких предметов образуют своего рода кластеры или ряды, единство которых покоится на принадлежности к одному поступлению, общности места хранения и пр. Переходя из списка в список, они часто подвергаются некоторым изменениям, что позволяет документально выявить внешность отдельных предметов. 3. Предпосылкой к двум предыдущим пунктам служит как раз наличие тех редких, «абсолютных» случаев, когда метод «название — предмет» работает. При всей краткости характеристик отдельных предметов в старинных каталогах иногда они дают довольно ясное представление посредством указания на материал, форму и функцию вещей, а факт наличия / отсутствия определенных классов предметов в тех или иных списках ограничивает зону поиска. Такие бесспорные, самоочевидные идентификации при непосредственном использовании текстов каталогов и этикеток являются для нас точками опоры в дальнейших построениях.

Для того чтобы восстановить границы между ранними океанийскими поступлениями МАЭ, необходимо поступить прямо противоположным образом — не ориентироваться на результаты регистрации конца XIX — начала XX в., т.е. границы современных коллекций, а мысленно смешать их, чтобы затем противопоставить как

целое всему комплексу реестров, каталогов и этикеток. Только так мы встанем на твердую почву в наших рассуждениях, ибо на первом этапе для нас формальным доказанным является соответствие только этих двух больших массивов исторических материалов. Далее мы, как по ступеням, спускаемся с одного уровня идентификации на другой: совокупность нескольких поступлений — отдельное поступление — часть поступления (классы или ряды предметов в реестре) — единичные предметы.

***

1. Kaeppler A.L. The Use of documents in Identifying Ethnographic Specimens from the Voyages of Captain Cook // *The Journal of Pacific History*. 1972. P. 195.
2. Ibid. P. 195–200.
3. Ibid. P. 195–196.
4. Augustin S. «Kunstsachen» von Cooks Reisen. Die Sammlung und ihre Geschichte im Völkerkundemuseum Herrnhut. Münster; Hamburg, 1993. P. 14.
5. Иванова Л.А. Куковская коллекция Петербургской Кунсткамеры. М., 2005. С. 7.
6. Там же.
7. Augustin S. «Kunstsachen» von Cooks Reisen. Die Sammlung und ihre Geschichte im Völkerkundemuseum Herrnhut. Münster; Hamburg, 1993. P. 1–2.
8. Ibid. P. 123–138.
9. Ibid. P. 27.
10. Ibid. P. 31.
11. Ibid. P. 28–29.
12. Ibid. P. 1, 28–29.
13. Ibid. P. 1; Augustin S. «Kunstsachen» von Cooks Reisen — die Herrnhuter Sammlung // *Ethnographie und Herrnhuter Mission*. Dresden, 2003. P. 16–17.
14. Augustin S. «Kunstsachen» von Cooks Reisen. Die Sammlung und ihre Geschichte im Völkerkundemuseum Herrnhut. Münster; Hamburg, 1993. P. 11.
15. Ibid. P. 14, 17.
16. Ibid. P. 17.
17. Ibid. P. 21–22, 25.
18. Ibid. P. 16, 24.
19. Ibid. P. 25.
20. Ibid. P. 16–17, 25.
21. Ibid.
22. Urban M. The Acquisition History of the Göttingen Collection // *James Cook. Gifts and Treasures from the South Seas*. Мюнхен; New York, 1998. P. 61.
23. Kaeppler A.L. The Use of documents in Identifying Ethnographic Specimens from the Voyages of Captain Cook // *The Journal of Pacific History*. 1972. P. 195.
24. Augustin S. «Kunstsachen» von Cooks Reisen. Die Sammlung und ihre Geschichte im Völkerkundemuseum Herrnhut. Münster; Hamburg, 1993.
25. Иванова Л.А. Куковская коллекция Петербургской Кунсткамеры. М., 2005.